
ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 130.2

СЕТЕВАЯ ПРИРОДА ТЕРРОРИЗМА: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ¹

TERRORISM NETWORK: GLOBAL AND REGIONAL

С.Н. Борисов, М.А. Игнатов
S.N. Borisov, M.A. Ignatov

*Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королёва, 7
Belgorod State University of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308033, Russia*

E-mail: snborisov31@gmail.com

Ключевые слова: терроризм, сеть, структура, система, коммуникация.
Key words: terrorism, network, structure, system, communication.

Аннотация. В статье рассматривается проблема сетевой природы современного терроризма. Отмечается, что ранее выдвинутое авторами определение терроризма как антисистемного насилия сохраняет свою актуальность. При этом системная методология изучения терроризма успешно может применяться в анализе его сетевой природы. Результатом такого исследования является идея о совмещении в террористических проектах глобального и регионального через пересечение органических и идеологических сетей с помощью современных коммуникативных технологий.

Resume. The article deals with the problem of modern terrorism network. The definition of terrorism as antisystem violence given by the authors earlier continues to be actual. The system methodology of studying terrorism can be successfully used in analyzing its network. The result of such a research is the idea of global and regional adjustment in terroristic projects through organic and ideological nets transversion by modern communicative technologies.

Феномен терроризма уже довольно давно вошел в нашу повседневность и стал частью современного мира. При этом научная рефлексия этой проблемы настолько обширна, что сложилась уже комплексная дисциплина террорология, ограничивающая свой объект сугубо терроризмом. Мы, в свою очередь, отметим, что терроризм интересен нам только как культурно-антропологический феномен. Целый ряд наших исследований уже был посвящен этой теме [Борисов, 2010, 2011, 2012], но возврат к ней обусловлен новыми историческими и культурными реалиями, равно как и изменениями, которые претерпел сам терроризм, став из некоторого «неучтенного» фактора мирсистемного развития ее частью. Смыслы этих изменений еще предстоит выявить, мы же предпримем попытку их наметить в контексте глобального и регионального измерения.

1. Философские парадигмы в определении понятия «терроризм»

Прежде всего, стоит отметить понятийную неопределенность в исследованиях проблемы терроризма. Несмотря на то, что феномен терроризма вошел в повседневность современного мира, и концепты, связанные с этой культурной реальией прочно вписаны в

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ №14-13-31010 и рамках гранта БГИИК по развитию перспективного научного направления «Сетевые парадигмы в исследовании культуры: концептуализация нового направления в культурологии».

коммуникативную практику не только специалистов, но и широких слоев населения, общепринятого определения понятий «террор» и «терроризм» до сих пор не сложилось.

В культурно-идеологической практике понятие «террор» и «терроризм» в современном значении стали употребляться в период Французской революции 1791-1794 гг. Современная семиотика и лексикология связывает с террористическим дискурсом прежде всего жестокие насильственные действия в сфере политики и реализации прав субъектами власти.

В частности, террор как отношение государства к своим оппонентам, репрессивное и жесткое, исследуется отечественным политологом И.М. Ильинским. А. Бернгард в работе «Стратегия терроризма» указывает на связь терроризма с силой, но понимает его как применение силы слабыми в отношении сильных. Американские исследователи В. Маллисон и С. Маллисон определяют терроризм как систематическое использование насилия и угрозы насилия для достижения политических целей. Таким же недостатком обладает определение терроризма, данное сотрудником Государственного департамента США Д. Лонгом, который сводит феномен терроризма к действиям по изменению существующего политического строя, существующего мирового порядка. Ф. Уилкоккс, координатор по борьбе с терроризмом Госдепартамента США, видит в терроризме политически обусловленное насилие, направленное против мирного населения.

Общим для всех перечисленных определений является взгляд на терроризм как на политически, социально обусловленное насилие. Применение понятия «террор» исключительно к политической сфере значительно суживает реальное поле феномена терроризма, акцентирует внимание на политической власти, имеющей аппарат принуждения, и относит «террор» к оппозиционным власти силам. Такой подход в определении терроризма вполне приемлем для юридической фиксации данного явления. Он нашел отражение в Федеральном законе РФ «О борьбе с терроризмом», принятом в 1998 г. Между тем достаточность такого определения терроризма для юридического применения совсем не соответствует требованиям междисциплинарного научно-гуманитарного анализа.

Нередко отождествление терроризма с таким явлением как война, партизанская война или гражданская. Ряд авторов, М. Либиг, Ф. А. Фрайхер фон дер Хейдте, П. А. Шерер, Д. Стерлинг, Л. Ларуш, говорят о терроризме как особой форме войны, не выделяя его как самостоятельный феномен. М. Либиг не отрицает социально-экономическую, национальную, этническую и идеологическую обусловленность терроризма, однако истинные причины, по его мнению, кроются в политической заинтересованности государств в таком эффективном средстве реализации своих интересов как терроризм. Фон дер Хейдте определяет терроризм как современную нерегулярную малую войну, которая характеризуется нерегулярными боевыми действиями, длительностью, специфическими «террористическими» тактиками. Необходимо отметить общую основу для сопоставления войны и терроризма – *насилие*. Подчас схожи цели и методы войны и терроризма, особенно при сопоставлении политического террора и войны в ее классическом понимании.

Помимо того, обладая рядом других недостатков: сведение терроризма к физическому устранению политических лидеров и военно-политическому насилию, подмена понятия «терроризм» более узким понятием «террористический акт». Все вышеперечисленные смыслы террора и терроризма, так или иначе, возводят проблему на уровень взаимодействия государства и его политических оппонентов, тем самым не рассматривается ни религиозная природа терроризма, ни его сетевая специфика в эпоху постмодерна, которая характеризуется «метагосударственностью» и не всегда обусловлена политической борьбой.

Терроризм конца XX - начала XXI века, понятие «современный терроризм», требуют нового определения. Необходимо взглянуть на феномен терроризма в большей культурно-исторической перспективе: в пространстве между «миром традиционализма» и «миром постмодерна» обнаруживается мифо-архетипическая и религиозно-этническая, культурно-антропологическая специфика современных и постсовременных форм терроризма, характеризующихся «метагосударственностью» и «цивилизационной метафизичностью», обусловленными не столько политической борьбой, сколько сакрально-культурными кризисами и ментально-антропологическими переворотами последних столетий.

Мы считаем, что для категориальной проработки феноменов «тоталитаризма» и «терроризма», синергетически сопряженных в одном культурно-цивилизационном пространстве, важны системные идеи, которые возникли в классической философии в процессе логического обоснования достаточно традиционной философской категории

целостности (тотальности). С этих позиций терроризм можно определить как *использование нелегитимного, антисистемного насилия*.

В силу вышеизложенного мы вправе говорить о терроризме (нелегитимном насилии) как специфическом социокультурном феномене, имеющем в основании определенные культурно-антропологические предпосылки, которые позволяют не только диагностировать террористические проявления, но и осуществлять их профилактику.

2. Методологические основания исследования

Прежде всего, для категориальной проработки феномена терроризма, важны системные идеи, которые возникли в классической философии в процессе логического обоснования достаточно традиционной философской категории *целостности (тотальности)*.

Конкретно-исторический анализ всех социокультурных кризисов, так или иначе сопровождающих великие цивилизационные трансформации, показывает *хаос* и упадок в основных сферах жизни общества. Система как бы *соскальзывает* назад в культурно-историческом развитии, начинается стихийное воспроизводство старых, отживших форм (это мы наблюдали и в России начала XX века, и в современной России). В кризисных условиях общество не только имитирует старые формы, но разрушается вся иерархия устойчивых структур и элементов. Подобный революционный откат всегда приводил к *упрощению* системы. Но простота, унификация связана с воспроизведением социального однообразия, примитивной целостности: социальный хаос не может продолжаться бесконечно, система требует стабилизации и всегда идет по самому легкому, простому пути – устанавливается диктатура, военный режим правления и экономической деятельности, не обладающие легитимностью и поддерживающие свое существование *террором*.

Собственно, *тоталитарно-террористические элементы и структуры* могут возникнуть еще на стадии стабильного существования старой системы жизнедеятельности: иногда они выступают как новообразования, иногда маскируются и имитируют старые формы и структуры. В любой достаточно сложной нелинейной системе обязательно могут существовать инородные вкрапления, т.е. элементы и структуры, которые не несут основной «системной нагрузки», не играют существенной роли в процессах самополагания и самообоснования организма. Иногда подобную роль могут выполнять и атактистические системы, превращаясь фактически в *антисистему*. Антисистема может очень долго существовать в латентной, скрытой форме, пока не возникнут соответствующие условия для ее активизации.

Конфликт системы и антисистемы достигает особой силы в ситуации сопряжения основного системного противоречия, внутреннего, с активизацией разрушительных тенденций в деятельности антисистемы. При таком развитии мы и имеем дело с превращением системы органического типа, приводящего к появлению *извращений, социальных и цивилизационных монстров*. *Антисистемы* оказываются той «культурной парадигмой» и *матрицей*, которая воплощается в тоталитарных системах и сопровождающих ее функционирование террористических клонах, в соответствующих *террористических архетипах и социокодах*. Это связано с тем, что все антисистемы, к которым можно отнести все революционно-террористические и крипто-тоталитарные секты и организации, характеризуются высокой степенью внутренней *иерархической замкнутости* при внешней *горизонтально-сетевой подвижности*.

В этом ключе и формируется *тоталитарно-террористическая мифология* с ее первобытным дуализмом *сакрального и профанного*, являясь идеологической санкцией и идеологическим оправданием и воспроизводством квазиэтнического дуализма. В этих структурных метаморфозах мы наблюдаем странное «гибридное» переплетение *ценностной иерархической вертикали* (религиозно-метафизической или революционно-мифологической) и *сетевой горизонтальной «боевой организации»*, часто весьма прагматичной, технологичной и далекой от всяческой метафизики. Например, многочисленные ступени посвящения у катаров, масонов или конспиративные «ячейки» и структуры у народовольцев, большевиков или исламистов всегда облакаются в ту или религиозно-метафизическую или революционно-мифологическую «знаково-символическую телесность».

Простота антисистемы позволяет ей легко мимикрировать в зависимости от изменения исторической ситуации. И особая значимость упрощенности и унифицированности антисистемы сказывается в ситуации цивилизационного кризиса. В условиях, когда идет разрушение и стирание устойчивых связей и структур, появляется настоятельная потребность в замене, замещении традиционных связей новыми. Однако, новое не рождается мгновенно, и тогда возникает ситуация, когда уцелевшие антисистемы принимают на себя выполнение несвойственных им функций. Дело усугубляется и тем, что антисистема оказывается *наиболее подготовленной к ситуации кризисного упрощения*, так как может бесконечно долго пребывать в примитивном состоянии и на стадии расцвета цивилизационного организма, и на стадии его застоя или консервативности.

Вампиризм антисистем становится гипертрофированным на стадии системного кризиса, когда превращенные формы жизнедеятельности системы стягиваются к антисистеме как *псевдоцентру*: антисистема начинает перестраивать всю старую систему по своему образу и подобию, доводит ее до степени максимального упрощения. Реализуется *тоталитарный сценарий* культурно-исторического развития. Социальные иррациональные механизмы жизнедеятельности дополняются непомерным *идеологическим мифотворчеством* и созданием духовных монстров рационально-иррационального типа. И все «богатство» тоталитарного уродства воплощается в *мощной знаково-символической телесности*, которая зачастую и придает тоталитаризму псевдообаяние, маскирует творческую несостоятельность культурных тоталитарно-террористических систем в *имитативных образованиях*, эклектически воспроизводящих исторические стили различных прошедших эпох в творениях соцреализма или «национального романтизма».

Что же происходит с человеком в таких социокультурных трансформациях? «Человек массы» в тоталитарном организме или в ситуации системного кризиса остается до поры до времени (а может быть и навсегда?) на уровне «обыденного сознания», той феноменологической ступени, которую Гегель отвел «сознанию» в форме чувственной достоверности, восприятия-иллюзии и даже рассудка. Ведь даже «*рабское сознание*» возникает лишь в форме *самосознания*. Этот «маленький человек», открытый великой русской литературой, *анонимный «человек массы»*, с ужасом обнаруженный европейскими интеллектуалами за стенами собственных кабинетов, оказался символом нашего времени, заявил о своих правах именно в эпоху модерна и постмодерна.

Человек массы удивительно амбивалентен и инверсивен, но это не гибкость червя, слепо рыхлящего почву истории. При всем трагизме переживаемой нами эпохи надо отдать ей должное, что она впервые не только предоставила рупор, чтобы прозвучали анонимные «голоса из хора» (Н.Н. Козлова), но грозно предупредила человечество: каждый человек имеет право на самость, самый последний Акакий Акакиевич должен обладать не только теплой шинелью, отдельной квартирой и гарантированным минимумом социальной защиты, правом на труд – он должен иметь шанс возвысить свой *индивидуальный голос*, стать *субъектом* культурного творчества и социальной динамики.

Другое дело, что эта великая идея, рожденная еще в «осевой период» человеческой истории, в нашем мире приобрела уродливые черты и далека от реального осуществления. Вся трагедия эпохи и заключается в том, что тоталитарная мифология для того и создавалась, чтобы не только эффективно *управлять* безликим человеком массы. Ведь этот ментально-антропологический тип использовался как в системах политико-военного и психо-идеологического терроризма эпохи модерна, но и втягивается в орбиту виртуально-коммуникативных «аль-каид» нашей постсовременности. Это, как правило, массовая база для развертывания боевых действий.

И если этот ментально-антропологический образ можно назвать *эгалитарной, «атомарной личностью»* и соотнести эту персонификацию с атомарным индивидом первичного, «дикого капитализма» или индивидом, погруженным в революционный или послевоенный (любой!) хаос уравнительности (абстрактная единичность), то второй феноменологический образ, вызванным потребностями личностной идентификации в соотнесении с различными *культурно-идентификационными проектами*, выводит нас на другой уровень ментальной персонификации, когда чувственная достоверность преодолевается на пути к восприятию-иллюзии от простого созерцания.

Гегель соотносил эту феноменологическую персонификацию с определенной экзистенциальной установкой. Идеологическая машина терроризма и тоталитаризма постоянно озабочена не только своеобразным «просвещением» атомарной, абстрактной личности, «актеров» исторического процесса, но также их обработкой, пытающихся строить собственный идентификационный проект. Именно народную этноконфессиональную культуру, оставшуюся в наследие от порушенного традиционного мира, тоталитаризм и терроризм стремятся поставить себе на службу, включить в мифологический эффект психо-идеологических технологий. Современные исследователи отмечают буквально наплыв в тоталитарно-террористические структуры представителей так называемого «среднего класса» или крестьянства, часто выбившихся из самых низов (это наиболее характерно для стран «третьего мира»).

Сомневающийся массовый человек, стремящийся забыть в своем искусственном мирке, «мещанском быте», невольно поднимается на уровень гегелевского восприятия, оказывается предрасположенным к *иллюзиям* – и здесь нарушается единство массового сознания, оно тяготеет к факту собственной «задумчивости», перестает быть «вещью в себе», открывает *другого*. Возникает символический, *языковой и игровой тип* массового человека и сознания, которое *добровольно* желает усвоить социокод и культурно-идеологические тексты эпохи, освободиться от первичной рефлексии и идентифицироваться с «большим обществом» (часто оказывается, что современные террористы получили достаточно прилично «высшее образование»).

Напряжение вертикально-иерархической религиозной метафизики и сетевой «боевой прагматики» порождает то поле, в котором рождается «*раздваивание сознания*». Собственно, здесь мы имеем не один ментально-антропологический тип, а как бы проявление в реальной культурно-исторической магне двух антропологических форм – *конформистской и авторитарной личности*. При этом «двойное сознание» не только порождает два самостоятельных ментально-антропологических типа, но и своеобразного трикстера: *нонконформистскую личность, бунтаря*. «Конформизм – авторитаризм» выступают в контексте тоталитарно-террористической культуры *основными ментально-личностными структурами*, составляющими субстанцию антисистемы. Данная культурная антропология позволяет тоталитарно-террористическим обществам структурироваться совершенно на иных основаниях: человек массы в силу гипердинамизма маргинализованного общества может *перемещаться от статуса к статусу*, легко превращаясь из одного типа личности в другой.

Теперь не столь загадочной представляется антропологическая метаморфоза «человека террористического», возросшего от героической фигуры террориста-революционера, до обезличенного и виртуального современного террориста. Представленная методология позволяет увидеть скрытую механику этого превращения.

3. Глобальное и региональное

Среди определений современного терроризма глобальный его характер признается если не всеми, то подавляющим большинством исследователей. Причем, определение момента возникновения «глобального терроризма» имеет четкий признак, надделение событий, номинируемых как терроризм, коннотациями глобальной угрозы. По нашему мнению, такой «поворот» глобального медиа-дискурса произошел после трагических событий, произошедших на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене. Акция палестинской организации «Черный сентябрь» не была первым проявлением международного терроризма, но последующую за ней реакцию мирового аппарата СМИ можно считать первым шагом к формированию бренда «глобального терроризма». В работе Брюса Хоффмана «Терроризм изнутри» утверждается, что «около 900 миллионов человек в 100 странах наблюдали за развитием кризиса на телевизионном экране» [Хоффман, 2003]. Несомненно, что это первый пример встраивания терроризма в глобальный контекст средствами массмедиа.

Логика нашего исследования позволяет несколько иначе оценить факт «авторства» данного и других подобных событий. Традиционной является точка зрения, согласно которой палестинские (исламские, международные и прочие) террористы, совершившие теракт, стремились привлечь внимание к той или иной проблеме (в данном конкретном примере проблеме автономии Палестины) и использовали для этой цели мировые СМИ. Составляющими этой террористической стратегии является выбор значимого объекта,

позволяющего привлечь внимание мировой общественности, а точнее массмедиа, которые донесут это послание до адресатов.

Ключевым является то значение, которое мы придаем собственно передаче сообщения. Иначе говоря, сводится ли роль СМИ только к передаче? Дискурсная теория подразумевает, что социальные объекты (такие, как терроризм в нашем случае) являются результатом властно и исторически обусловленных процессов социального конструирования. Множество событий, номинируемых как террористические, оставались и остаются исключенными из глобального дискурса о терроризме, что ясно свидетельствует о необходимости «перевернуть» привычную схему и рассматривать массмедиа не только как активного участника в передаче сообщения, но как автора глобального дискурса о террористической угрозе.

Также и с позиции, ранее озвученной нами методологии исследования антисистем, использование структурами терроризма массмедиа есть не только встраивание в уже готовые практики трансляции информации, паразитирование на них, что было бы явным упрощением, но также следствием системного, более фундаментального пересечения сетевой природы современных массмедиа и самого терроризма.

Эпоху «до глобального терроризма», формировавшую его локально-событийное восприятие, следует связать с дискурсивными практиками «локализации» терроризма. Примером подобного можно считать не только террористические проявления революционного характера (Россия XIX и начала XX в.в.), но также постколониальные освободительные движения в Алжире и Кипре, леворадикальный терроризм в Европе XX века. Формирование глобального мега-бренда террористической угрозы связано с переживанием тотальности терроризма и практиками «рассеивания» в терминологии Фуко. Местные проявления терроризма неизбежно оказываются связанными с терроризмом международным. Локальное растворяется в глобальном, что рождает парадоксы смысла, когда вне зависимости от политической, национальной или религиозной идентичности объекты номинируются как террористические. Именно в размытости самого определения терроризма и логике номинирования, наиболее четко просматривается политико-экономическая обусловленность глобального дискурса террористической угрозы

Итак, при рассмотрении роли социальных элит и СМИ в конструировании дискурса глобального терроризма, возможен вывод о поэтапном «развитии» идеи террористической угрозы от локального, к глобальному дискурсу. При этом активную роль в процессе конструирования сыграли глобальные системы СМИ, ориентированные на создание и развитие брендов транснациональных корпораций. Роль собственно террористических организаций в конструировании глобального террористического дискурса на смену локальному можно охарактеризовать как вторичную. Можно сказать, что глобальные медиа создали глобальный терроризм как символический феномен, не только транслируя теракты и тем самым презентуя их на глобальном уровне, но и создавая сам глобальный террористический дискурс.

Антропологическое измерение современного терроризма продолжает уже отмеченную нами логику раздваивания, когда локально-региональное становится глобальным или выдается за такое на уровне массмедиа, а на уровне антропологической реальности человек массы, погруженный в обыденную реальность, перешагивает эти привычные границы и начинает мыслить категориями глобальными. Гипердинамизм маргинализованной личности террориста проявляется в выстраивании сетевых террористических структур, которые опираются на кровно-родственные (атавистические элементы системы) или дружеские сети. Американский исследователь М. Сейджман указывает, что террористические образования (клики) возникают на основе некоторой общности людей. Это могут быть дружественные или родственные отношения, отношения близкого личного общения, ученичества и т.д. [Сейджман, 2008]. Далее органические локальные сети родственных или дружеских связей преодолевают свою ограниченность и восходят на уровень глобального как раз через структурно родственные и также сетевые структуры интернет коммуникации. Сейджман убедительно доказывает, что глобальные террористические структуры возникают только с появлением новых коммуникационных технологий, которые позволили преодолеть необходимость личного общения членов террористических групп. При этом сети расширяются и меняют свою основу, в едином образовании сочетая плотность родственных и

дружественных сетей и плотностью глобальных сетей сугубо идеологического порядка. Тем самым глобальное и региональное совмещаются в переплетении сетевой структуры террористической антисистемы, когда одно подменяется другим до неразличимости.

Список литературы References

1. Борисов С.Н., Борисова О.С. Событие и дискурс: к антропологии русских революций начала XX века // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2011. № 8(103). Вып.16 – С. 192-199.
Borisov S.N., Borisova O.S. Sobytiidiskurs: k antropologiirusskihrevoljucijnachala XX veka. NauchnyvedomostiBelGU. Serija «Filosofija. Sociologija. Pravo». 2011. № 8(103). Vyp.16. S. 192-199.
2. Борисов С.Н., Переверзев Е.В. Метафизика террора и дискурс: методологические аспекты // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Вып. 3(83). – С.211-214.
Borisov S.N., Pereverzev E.V. Metafizikaterroraidiskurs: metodologicheskieaspekty. VestnikTambovskogouniversiteta. SeriyaGumanitarnyenuki. Tambov, 2010. Vyp. 3(83). S.211-214.
3. Борисов С.Н., Римский А.В. Культурно-исторические формы религиозного экстремизма: от традиционализма к модерну // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. №5. – С.114-123.
Borisov S.N., Rimskiy A.V. Kul'turno-istoricheskieformyreligioznogoekstremizma: ottraditsionalizma k modern. UchenyepapiskiOrlovskogogosudarstvennogouniversiteta., 2012. №5. S.114-123.
4. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 216 с.
Seydzhman M. Setevyestrukturyterrorizma. M.: Ideya-Press, 2008. 216 s.
5. Хоффман Б. Терроризм изнутри. – М.: Ультра. Культура., 2003. – 264 с.
Khoffman B. Terrorizmiznutri. M.: Ul'tra. Kul'tura., 2003. 264 s.